

Николай Хрипков

Болтушка

РАССКАЗ

2024

Николай Иванович Хрипков

Болтуша

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70503079

SelfPub; 2024

Аннотация

У героини патологическая болтливость. И окружающие не желают общаться с ней. Она идет к психологу. Это ее последняя надежда. И советы психолога помогают ей.

Николай Хрипков

Болтуша

Она с трудом сдерживала себя, но всё же сдерживала. Поздоровалась одним словом, что было для нее не таким-то простым делом. Слова готовы были вот-вот вылететь, как оперившиеся птенцы из гнезда.

– Здравствуйте!

Врач, а это была женщина лет тридцати, невысокая и худенькая и больше похожая на старшеклассницу, чем на специалиста, который ведет прием, не отрываясь от бумаг, кивнула ей. Но всё-таки подняла голову.

– Здравствуйте! Вам назначали?

– Да. Я к вам по записи.

– Ко мне все по записи. Присаживайтесь и излагайте, в чем суть дела, что вас беспокоит.

Она одернула платье на коленях. Это было ее любимое платье в горошек.

– А вы хороший психолог? – спросила она. – Извините, но я не хочу вас ничем обидеть.

– Как вас зовут?

– Нина.

– Хорошо! Давайте просто Нина. Тем более, что мы с вами почти одного возраста. И сразу договоримся. Здесь во-

просы задаю я. Это вы ко мне пришли на прием, а не я к вам. Это у вас проблемы. И я должна помочь вам избавиться от этих проблем. Если я вас чем-то не устраиваю, ищите другого специалиста.

Да, начало получилось плохим. Что-то у нее в последнее время не ладится с контактами.

Зря она ляпнула про хорошего психолога. Но слово – не воробей. Эх, язык мой – враг мой. Сколько она уже себе навредила своим языком. И всё урок не идет впрок. Как говорится, снова да ладом.

– Извините, доктор!

– Расскажите, пожалуйста, что вас привело ко мне. И не забывайте, что доктору можно и нужно говорить всё.

– Беда у меня. Беда!

– У беды этой есть название?

– Да! Болтливость! **БОЛТЛИВОСТЬ** большими буквами.

И – увы! – сама я спрайтсья, кажется, не смогу.

–

К начальству надо заходить с душевным трепетом. И начальство должно почувствовать этот душевный трепет. Тогда гнев его смягчается, а желание похвалить усиливается. Все опытные карьеристы прекрасно знают об этом, поэтому они и делают карьеру.

Нина, впорхнув в кабинет начальника, не продемонстрировала этого полезного качества. Ее лукавый взгляд скользнул по диагонали и остановился на озабоченном началь-

ственном лице, которое заставило бы стушеваться кого угодно, но только не Нину. Физиогномика не была ее сильной чертой.

Она прощебетала бодро и энергично:

– Здравствуйте, Иван Петрович! Хорошего вам денька! Чтобы всё на позитивчике!

– Благодарствуйте! И вам того же! Присядьте, Нина Петровна.

– И вам благодарствовать, Иван Петрович! Непременно присядим, опустимся, расположимся и сконцентрируем всё внимание, чтобы не пропустить ни единого словечка из того, что вы скажете, Иван Петрович. Ой! Какие у вас мягонькие стульица!

– Нина Петровна!

– Да, Иван Петрович?

– Помолчите, пожалуйста!

Она огляделась, как будто хотела увидеть того, кто мог сказать такие слова. Хотела обидеться. Она не любила, когда ей делали замечания. Что она школьница какая-то? Она считала себя опытной и умной, была уверена, что к любому человеку сможет подобрать ключик.

Начальник держал телефон. Зачем он это делал? Собрался кому-то звонить? Но разве нельзя это сделать было раньше или позже? Зачем же вызвать ее и кому-то звонить?

– Послушайте!

Он придвинул к ней телефон.

– Приветтики, девочки, девулечки, красотулечки, симпатюлечки! Как я рада видеть вас, если бы вы только знали! Как я вас всех люблю, обожаю, хорошенькие мои, ненаглядненькие! Ой, я припозднилась сегодня, задержалась, припоздалась! Негодница я этакая! Пропесочить меня надо, наказать, пальчиком вот так погрозить, губки на меня надуть! Девулечки! Ну, представьте! Такое ощущение, что на дороге одни долбодятлы остались, что всех нормальных мужиков метлой смело. Пришел такой Гулливер и смел их всех. Ехать вообще невозможно. Один впереди меня завис. И всё время дрыг-дрыг, переключается. Проедет немного, дрыг-дрыг, переключится. Ну, чего ты, долбак, всё время переключаешься? Ехай ровно! У меня нервы, как струны натянуты, как канаты. Ха-ха! Вся напряжена так! Один комок нервов. Так мало этого. Еще и сзади какой-то долбодятел пристроился. Не отстает, не обгоняет. И если я резко тормозну, он в меня непременно врежется, долбак, козлодой! Прикиньте, и спереди и сзади, слоенный пирожок такой, где у меня главная роль. Как в порнушке какой. Ха-ха! Ну, не долбодятлы, разве? Настоящие долбодятлы! Тебе что, думаю, долбодятел, мой фасад понравился? Так мне такие долбодятлы и на фиг не нужны. И за пучок пяточок в базарный день не дам. Ха-ха! Вот так и добиралась! Не! Прикиньте, девчульки, вообще на дорогах невозможно ездить стало.

– Что это? – спросила она.

– А вы что не узнаете?

– Узнаю. Но зачем это, Иван Петрович? У нас что прослушка? Я что агент иностранной разведки?

– А затем, Нина Петровна, что ваши коллеги не могут работать рядом с вами. Вы же их терроризируете своей болтовней. Вот так начинается для них каждое рабочее утро. Люди пришли на работу, перекинулись парой фраз и настроились работать, а тут врывается вы и начинаете рассказывать им, какие долбодятлы на дороге, как вы вчера вечером выгуливали свою Раюшу пописать и покакать, как мужа (он почему-то у вас женского рода) готовил (или готовила, уже не знаю) клёвый ужин, как «Авангард» сыграл с «Ак-Барсом», как трещали клюшки и морды хоккеистов, на какой минуте «Авангард» забил шайбу «Ак-Барсу» и как вы орали, когда этим козлам забили шайбу. Поймите, люди на работе. У них тоже свои заботы, свои проблемы и семейные неурядицы бывают. Они на своей волне. А вы их перестраиваете на свою волну. Они знать не хотят, как вы свою Раюшу (или своего) водите на улицу писать и какать. Нина Петровна! Вы хороший специалист, умная женщина. У меня нет никаких претензий к вашей работе. Все отчеты вы сдаете во время и в надлежащем качестве. Но возьмите себя в руки, остановитесь, не выносите весь этот словесный поток на головы своих коллег! Вы же их буквально терроризируете.

– Так даже?

Она пристально посмотрела на начальника. Глаза у нее были злые. Ее отчитали как школьницу.

– Могу я идти?

– Идите, Нина Петровна и помните о нашем разговоре. Я надеюсь, что больше ко мне не придут жаловаться на вас.

–

Молодость, точнее юность Нины прошла по-цыгански бурно. К выпускному классу это уже была зрелая девица с выразительными выпуклостями, на которые облизывались местные парни. И не только. Но и семейные мужики. Достанется же кому-то такое добро!

Она была веселой. Как говорили, шепутной. Ей нравились ухаживанья. И она не пропускала ни одной дискотеки. И не стояла, подпирая стенку, невостробованной. Но была нарасхват. Она смеялась каждой шутке, даже несмешной. И сама любила пошутить, особенно над своими ухажерами. Но те не обижались. Шутки были безобидными. И всё дело шло к тому, то есть к этому самому. И отодрал ее, как он это называл в кругу друзей, Генка Кружков. Не то, чтобы он был красавец или обладал какими-то достоинствами, но так уж получилось. К этому времени он уже закончил СПТУ и работал в совхозе трактористом. Трактор был старый и постоянно ломался. С девками он вел себя смело и без долгих предисловий залазил им в лифчик. Вот он и проводил однажды Ниночку с дискотеки до стога сена возле их дома.

У него было полбутылки вина, которую они допили. После чего уже не сомневаясь, что отказа не будет, он задрал ей подол. И придерживая его одной рукой, стал растегивать

ширинку.

Сдав выпускные экзамены, Нина не поехала в город поступать, поскольку до нового года должна была уже родить. Дома был скандал. Но вскоре всё улеглось, тем более, что Генка не против был женитьбы. Хоть Ниночке не было семнадцати, в сельском совете их расписали, войдя в ее положение. Так она стала из бывшей школьницы сразу замужней женщиной.

Потом были уборки, бессонные ночи, хворобы, бесконечная варка. И всё это навалилось сразу. Но это еще полбеды. Веселый и безбашенный Генка, став женатым, обернулся нудным тираном. Всё его не устраивало, всё было не по нему. И постоянно донимал Нину. То не мог найти парного носка, то картошка ему была недосоленной, то телевизор задалбывал его рекламой. Он ворчал, ругался, раздражался бранью. Мало того, еще и стал закладывать за воротник. Три года семейной жизни для Нины превратились в ад. Не было вечера, чтобы Генка не приходил домой на бровях. А это ругань, мат, упреки. Поперек ему ничего нельзя было сказать. Но и это бы ничего. Мало ли у кого не пьют мужья. Но он придирался из-за каждого пустяка, начал ревновать ее и распускать руки. Теперь Нина с ужасом ждала каждого вечера.

«Я там пашу, как проклятый. Целый день пыль глотаю, чтобы копейку заработать. А ты тут хвостом крутишь!» Всегда находились сердобольные люди, которые ему докладывали, что его Нина стояла возле магазина и весело болтала с

учителем физкультуры, что ей пакет до дома помог поднести сосед, которого она так горячо благодарила возле калитки. Кроме соседа и учителя физкультуры в селе были и другие молодые мужики, так что объект для ревности у Генки всегда находился.

Когда он уж слишком расхотелся и начинал распускать руки, она хватала Антона, сына, и бежала к родителям на соседнюю улицу. Мать, конечно, жалела дочь, но вздыхала и повторяла каждый раз одно и то же: «Терпи, дочка! Всё перемелется, муука будет». Когда она зимой прибежала босиком с сыном на руках, мать дрогнула и сказала: «.Всё! Разводись с этим супостатом! Ничего хорошего уже не будет».

Еще год она собиралась развестись. А потом получилось само собой. Осенью, когда шла уборка, она работала на току. Грузила машины зерном, буртовала, подметала ток. В совхоз прибыли «партизаны», так называли тех, кто уже отслужил в армии, но их призывали на сборы и отправляли в села на уборку. В основном это были водители и трактористы. Трактористы работали на комбайнах, пахали зябь, а водители вывозили зерно. «Партизана» звали Леней. Был он невысоким, плотным. У него была тихая скромная улыбка, как у Джоконды с картины Леонардо да Винчи. Такая же загадочная.

Он приглянулся Нине. Он не был похож на деревенских мужиков. Спокойный, неразговорчивый. В нем чувствовалась основательность, сила. К тому же он не матерился. Если он за что-то брался, то делал это как настоящий мастер,

неторопливо. Когда он глядел на нее, она чувствовала себя маленькой девчонкой, которой нужна забота и защита. Нина поняла, что влюбилась. И как девчонка, то, что она захотела, вынь ей и положь. Она не могла упустить его и была уверена, что с ним будет счастлива.

Леня приезжал на ток, высыпал зерно в яму под ЗАВами или в бургт, потом подъезжал к вагончику, что был на выезде с тока, и дежурный бухгалтер делал ему отметку в путевке и записывал, сколько зерна он привез. Если не нужно было торопиться, то пил чай. В вагончике всегда были кипятик и заварка, и шофера не отказывали себе в удовольствии немного расслабиться между бесконечными мотаниями с поля на ток и с тока на поле.

Вот и на этот раз Леня попил чаю, забрал путевку, спросил, сколько он всего перевез зерна, как дела у других шоферов. Немного поболтали о видах на урожай, который ожидался неплохим. Вышел из вагончика. На черном сентябрьском небе ярко горели звезды и лунный серп. Лето закончилось и ночи уже были прохладными. А к утру на траву могла лечь изморозь.

На току в свете фонарей шла работа: грузили машины, подрабатывали зерно, подметали. Над буртами стояли облака пыли, которая ложилась на все вокруг и даже на соседнюю улицу. Работали в три смены. Только поздней ночью здесь замолкало. И тогда электрики и слесари ремонтировали погрузчики, механизмы ЗАВов. Каждая поломка – это было

ЧП, потому что простой в эту пору никак нельзя было допустить. Неизвестно, что будет завтра – пойдет дождь или снег. В Сибири в это время погода очень неустойчивая. А это значит погибнет урожай, хозяйство понесет убытки, все труды коту под хвост. Это понимают все, а поэтому трудятся на износ, не досыпая, не видя сутками жен и детей. Слесаря или электрика могут поднять среди ночи и привезти на ток, чтобы он устранил поломку.

Ночную смену комбайнеров увозили домой, а ранним утром привозили новую смену. Они техничили комбайны, перекусывали, ждали, когда сойдет роса. И поля опять наполнялись гулом.

Леня сел в кабину, громко хлопнул дверкой. Опля!

– А что это ты тут делаешь?

– Хочу прокатиться. Ха-ха! Давно не каталась.

Это была Нина.

– А кто работать будет?

– Пушкин. Он всегда за всех отдувается. На то он и генеральный, чтобы за всех вкалывать. Ну, чего стоишь-то? Там уже, наверно, у комбайнов полные бункеры. Да не бойся! Прокачусь только туда-сюда. Должна же я увидеть, как идет битва за урожай. Может, я внештатный корреспондент.

– Ну, ладно! Поехали!

Он покосился на Нину. Рабочая куртка на ней была растегнута. И плотный свитер был натянут на ее груди так, что казалось, что вот-вот он лопнет.

Он повернул ключ зажигания. Если бы он знал, как учащенно бьется ее сердце, какая теплая волна наполняет ее, каких усилий стоит удержаться ей, чтобы не броситься ему на шею. Он, как всегда, был спокоен и сосредоточен. И казалось, что ничто, кроме дороги, его не интересовало. Он ни разу не повернул голову в сторону Нины. Они выехали за деревню на проселочную дорогу. С одной стороны тянулось убранное поле, на котором чернели кучи соломы, с другой стороны тополиная посадка. Нина повернулась к нему, обняла его за шею и прижалась щекой к его плечу. Леня повернул голову, но промолчал и снова стал смотреть на дорогу, освящаемую автомобильными фарами.

– Тыбы чего? – наконец-то спросил он.

– Ленечка! Остановись!

– Приспичило?

Она захихикала.

– Еще как! Если бы только знал! Уже мочи нет терпеть!

Она выбралась из кабины, но дверку не закрыла. Какое-то время смотрела на него, потом спросила:

– Ну, чего ты сидишь?

На его лице никакой реакции.

– Куртку возьми! Земля-то уже холодная.

Ах, как она его ласкала, как она нетерпеливо добиралась до его тела через его одежды, какие нежные слова признания в любви она сказала ему. Никогда еще ей так не хотелось мужчины, любимого мужчины. А когда он, учащенно дыша,

лег рядом с ней, глядя в ярко-звездное небо, она восхищенно воскликнула:

– Ах, как мне было хорошо! Никогда в жизни мне не было так хорошо! Как будто я побывала в раю.

Так с этого дня, точнее ночи, и началась их связь. Но Нина прекрасно понимала, что скрыть в деревне что-то невозможно, и рано или поздно ее муж Гена всё узнает. И тогда... А что будет тогда, ей даже не хотелось думать. Но даже этот животный страх не мог удержать ее. В буйстве Гена был страшен. Если он мог побить ее без всякого повода, то что будет, когда этот повод появится. Каждый день она проживала так, как будто это был последний день в ее жизни.

Возвращение домой было для нее как восхождение на Голгофу. В ней всё сжималось. И она, не зная ни одной молитвы, просила Бога, чтобы он отвел от нее беду. Вот сейчас Генка, обзывая ее самыми последними словами, схватит ее за волосы, повалит на пол и будет бить, бить, бить. И потом несколько дней все в ней будет болеть. Но или деревенский телеграф сломался, или ему было не до того. Гена тоже работал на уборке и возвращался домой очень поздно или смертельно усталый, или на бровях. И порой даже не помывшись, заваливался спать. Иной раз прямо на полу.

Так закончился сентябрь и выход нашелся сам собой. Нина узнала, что «партизаны» через три дня уезжают. Она покидала в большую сумку самую необходимую одежду, документы и пришла к вагончикам, в которых жили прикоман-

дированные. Вагончики стояли полукругом на окраине села за большим гаражом для «Кировцев». Водители сидели за длинным дощатым столом.

– Это к тебе, Лёнь.

Он подошел. Она ожидала увидеть удивление или растерянность на его лице. Но он был спокоен, как удав.

– Чего это ты?

– Я поеду с тобой, Леня.

– Со мной?

Он опустил голову. Пнул пустую пачку из-под сигарет. Заглянул ей в глаза. Что он чувствует, непонятно.

– Без тебя я не могу. Зачем мне жизнь без тебя. Без тебя я умру.

– Но у тебя же муж, сын.

Он что отговаривает ее? Хорошо, что не гонит. Она была и к этому готова. И тогда упала бы ему в ноги.

– Я ненавижу его. Меня только от одного вида его коробит. Да и убьет он меня, когда узнает. А он узнает не сегодня, так завтра. Это же деревня, Лёня. Здесь ничего нельзя скрыть. А сын... Так тут же бабка и дед. Да он и живет у них в основном.

Лёня жевал кончик соломинки. Она и не увидела, как соломинка оказалась у него в руке.

– Так что же, Лёня?

– Неожиданно, Нина. Но если так...

Она бросилась к нему на шею и заплакала. Она так счаст-

лива. Она уедет вместе с Лёней.

Она целовала его лицо и, как безумная, шептала слова любви. Мужики молча за столом наблюдали за этим. Никто не высказывал комментариев, не хохмил, не смеялся.

Так Нина попала в город. Лёня уже как два года развелся и жил один в однушке. При разводе они разменяли трехкомнатную квартиру на двушку и однушку. Детей у них не было.

Через месяц она написала письмо родителям, но обратного адреса не указала. Боялась, что Генка может приехать на разборку. Ответное письмо она получила на почте до востребования». Мать ее ругала последними словами, писала о том, что вся деревня осуждает ее. Бросить семью, ребенка и уехать с первым попавшимся мужиком. Нина ответила: «Мама! А то, что он бил меня смертным боем, это ничего? А то, что синяки не успевали сходить? И вот это я всё должна была молча терпеть только потому, что девчонкой совершила дурость и вышла за него замуж? И вы меня не остановили. А теперь я нашла настоящего мужчину, полюбила его, он умный, скромный, заботливый. А главное он любит меня и всё готов сделать для меня. Вы осуждаете меня за мое счастье. Вам лучше было бы, если я ходила в синяках и со слезами на глазах, если бы я босиком зимой прибежала к вам искать спасения? Антона я не брошу. Немного погода заберу его».. Но «немного погода» затянулось.

Через год мать написала, что Генка пьяный упал с комбайна и грудью прямо на штырь, который пробил грудь на-

сквозь. По дороге в больницу умер в машине. Вот и допилился! После этого Нина зарегистрировалась с Лёней и взяла его фамилию. И она была уверена, что наконец-то обрела счастье. Леня даже не умел ссориться и почти никогда не сердился. Одно только огорчило ее, что они не могут иметь детей. Но потом и это приняло как должное. Про Антона она не заикалась, не зная, как Лёня отнесется к тому, чтобы забрать его к себе. Да еще и неизвестно, как у сына могли сложиться отношения с отчимом. Всё-таки он уже не был малышом и кое-что начинал понимать.

Время от времени она посылала родителям деньги. Родственники осуждали ее. Но она на это махнула рукой. Если вы не можете понять таких простых вещей, то это ваши проблемы. «Пошли они в пим дырявый!»

Лёня как-то за ужином заявил, что он нашел хорошую работу. Сколько же можно сшибать копейки? Но работа эта не здесь, а в Норильске, это за полярным кругом. Но зато платят очень хорошо.

– Я знаю, где Норильск. По географии у меня была пятерка. Но тебе придется снимать квартиру?

– Нет. Я там буду жить в общежитии. Квартиры там очень дорогие. Общежитие же бесплатное. Работа там вахтовым методом. Три месяца работаешь, месяц дома. Вполне неплохо. Это за год получается я три месяца буду дома. А тут и отпуск меньше месяца.

– Мы же будем разлучаться на три месяца! – ужаснулась

Нина.

– Ничего страшного. Разлука укрепляет любовь. К тому же есть мобильная связь. Мы не только будем слышать друг друга, но и видеть, вместе проводить досуг, смеяться над одними шутками. Каждый день мы будем видеться друг с другом, как будто и не расставались.

Работа была непыльная. Он выучился на оператора. Сидел за пультом. А деньги капали хорошие. Уже через год они переехали в трехкомнатную квартиру, которую взяли по ипотеке. И теперь Нина обустроивала квартиру, делала ремонт, приобретала мебель. На следующий год Лёня пригнал иномарку. Нина отучилась и получила права. Теперь она позабыла, что такое общественный транспорт. Даже по магазинам ездила на машине. Еще через год купили дачу. Когда Лёня приезжал в отпуск, то возился с ремонтом в квартире или что-то делал на даче. Руки у него были золотые. Готовил свои фирменные блюда. Месяц, когда он приезжал домой, был для них медовым месяцем. Нина расцветала, порхала, делилась своим счастьем с подругами. Время от времени по вечерам они устраивали романтический ужин при свечах с хорошим вином. Она одевала свое лучшее платье, а под ним было сексуальное белье.

Они обустроивали квартиру, работали на даче, ходили в кинотеатры, на хоккей, ездили на рыбалку. Порой ночевали в палатке у реки. И встречали рассвет. Нина считала себя счастливой и не хотела верить в то, что когда-то это счастье

может закончиться. Нет! Это может быть с кем угодно, только не с ней.

—

В этот вечер она вернулась домой в расстройстве чувств и злая и хотела рассказать Лёне, какой козел у нее начальник и какие стервы у нее коллеги, и дуры такие, что еще поискать таких надо. То, что она увидела, заставило ее забыть об этом. Возле дивана стояла большая сумка, с которой Лёня ездил на вахту. Но, может быть, Лёня просто хотел ее проветрить?

— Это что такое, мой сладенький?

— Я уезжаю,— буркнул он и отвернулся к окну.

Что можно увидеть в этом чертовом окне? Почему он не смотрит ей в глаза? Неужели? В глаза не смотрят, когда чувствуют за собой вину. Неужели он ей изменил? Лёня был не такой. Он не способен на измену. И он любит ее. Она ни-сколько не сомневалась в этом. Нет! Здесь было что-то другое. Но что? Она терялась в догадках

— Уезжаешь? Тебе же только через неделю на вахту.

— Нина! Давай присядим! Спокойно поговорим.

Он первым сел на диван, ногой отодвинул сумку, в которой лежало его нижнее белье, выстиранное и поглаженное.

Произошло что-то серьезное, что угрожает ее счастью.

Любимый, ангелом
хранимый

– Нина! Ты красивая баба, – проговорил он глухо и потупившись, как школьник, которого вызвали отвечать невыученный урок. – Извини! Женщина. Ты умная. И хозяйка ты хорошая. Я люблю тебя. Поверь! Люблю! Но я должен сказать об этом. Я долго собирался сделать это. Но я не могу больше. Ты никогда не закрываешь рта. Тебя несет, несет и несет. Телевизор смотреть не возможно, потому что ты постоянно и всё комментируешь.

– Но, милый мой, сладенький Лёничка, я привыкла всегда высказывать своё мнение.

– Дай мне сказать! Раньше я мог хоть на хоккей пойти, отвести душу. Но сейчас ты идешь со мной. Ты стала заядлой болельщицей и кричишь громче всех на арене и беспрерывно комментируешь.

– Но...

– Помолчи! Весь матч ты не закрываешь рта: визжишь, орешь, прыгаешь, ругаешься. Раньше я мог хоть пойти на рыбалку, посидеть в тишине. Но теперь и ты стала заядлой рыбачкой. И весь берег оглашается твоим воплем, если ты поймашь рыбку.

– Но...

– Я знаю, что ты хочешь сказать, что ты живешь моими интересами, моими увлечениями. Что мне интересно, то должно быть интересно и для тебя. Но я хочу и для себя оставить хоть что-то. Для себя одного. Сколько раз я тебе

говорил, чтобы ты не звонила мне на работу. У меня такая работа, что я не могу отвлекаться. Она требует всего моего внимания. Да и не скрою, что я не слушаю тебя. Просто мэ-каю, бэкаю, хмыкаю, чтобы показать тебе, что я слушаю тебя. А на самом деле не слушаю. Телефон лежит в сторонке, а я продолжаю работать. Ну, такая у меня работа, что я не могу отвлекаться.

– Но...

– Помолчи! Ведь ты не можешь ни с кем вести диалога, беседы. Тебе нужно говорить одной. И ты никого не слушаешь. Главное, чтобы только ты говорила, не закрывая рта. На любую тему. Тебе без разницы. Если ты поздравляешь кого-то, то твое поздравление растянется на четверть часа. И это в лучшем случае. И от твоего поздравления никто не может получить удовольствия. Все устанут от твоего от тебя и будут ждать только одного, когда же ты наконец замолчишь. А ты не можешь замолчать. Ты всё знаешь. Ты можешь говорить на любую тему, даже такую, о какой ты не имеешь никакого представления. Скажи тебе «органическая химия» и ты полчаса будешь говорить об органической химии, ни аза не понимая в ней. Потом...

– Что же еще?

– Вот это твое сюсюканье.

– О чем ты, миленький?

Она втянула плечи в голову, как делает человек, который ожидает пощечины, и поглядела на него исподлюбья.

– Вот эти твои уменьшительно-ласкательные суффиксы: приветики, роднулечки, тетечка Людочка, дядечка Витечка, братишечка, сеструлечка, собачулечка, кошулечка... Ну, ладно, когда с малышом сюсюкают. Это понятно. Но со взрослыми людьми! А мена как ты называешь? Лёничка, Лёнусик, Лёнчик, Лёнёк, муженька, мужа. «Ой, а что это там моя мужа делает?» Муж – он, мой, мужского рода. Не надо этих уменьшительно-ласкательных суффиксов, этой папки, которой ты заливаешь свою речь. Называй меня просто Лёня, муж. Поверь, это мне гораздо приятней, чем твои сюсюканья. Без этих уменьшительно-ласкательных суффиксов речь звучит гораздо энергичней, живей. А это твое словотворчество, неологизмы. «А на какой останувульки вы выходисимо?» Меня корежит от этих слов. Неужели ты этого не чувствуешь?

– Я всё поняла, Лёничка. Я исправлюсь! Клянусь! Только не уезжай, пожалуйста! Хочешь я на колени встану? Ну, что мне сделать, Лёничка? Ты же мое сердце разобьешь!

– Я уже решил. Я билет заказал.

– Ты меня бросаешь?

– Нет! Я не бросаю тебя. Я хочу жить с тобой. Я люблю тебя. Но я устал, я не могу. Не знаю. Не хочу я тебя бросать. Но и жизнь рядом с тобой становится невыносимой. Я еле сдерживаюсь, чтобы...

– Ударь, Лёнусик! Ой, Лёня!

– Перестань! Пожалуйста, стань другой! Научись молчать!

Как там у Козьмы Пруткива? Если у тебя есть фонтан, заткни его. Дай фонтану отдохнуть! А твой фонтан работает без отдыха.

– Если ты бросишь меня, я не смогу без тебя жить.

– Да не бросаю я тебя. Ну, пойми ты это, Нина! Ты мне дорога, любима. Не хочу я тебя бросать. Я хочу отдохнуть от тебя. И перестань ты разговаривать с собакой, с котом, с мебелью, с машиной. Это в какой-то пьесе, не помню какой, мужик здоровается со шкафом: «Здравствуй, многоуважаемый шкаф!» И все зрители смеются.

– И с тобой нельзя?

– Да можно! Но не рассказывай про свою работу, про начальника, международную политику, про долбодятлов на дороге. И каждый день одно и то же. С вариациями, правда. Если постороннему человеку послушать тебя, то он подумает, что ты того... фи-фи. Извини! Но ты перескакиваешь с одной темы на другую и забываешь, о чем говорила до этого.

– Лёня! Я всё поняла. Я исправлюсь. Клянусь! Я буду другой. Только не уезжай, пожалуйста. Давай я сумку разберу. Приготовлю ужин. У нас там есть еще бутылочка вина.

Запиликал телефон.

– Всё! Такси.

Он чмокнул Нину в щечку. Она хотела броситься ему на шею, расплакаться. Но сдержалась.

– Всего лишь три месяца. Обещай, что я вернусь к другой Нине

Он подхватил сумку. Она бросилась повиснуть у него на шею, но не успела. Он был уже у двери. Хлопнул, даже не обернувшись.

Прошла по квартире, из которой, как ей казаось, вынули душу, села в кресло, уронила лицо в ладони и заплакала, приговаривая сквозь слезы:

– Как мне плохо! За что так со мной? Я кому-то сделала плохо!

Она почувствовала на ладонях теплое дыхание. Это была Маргуша, их собака. Нина обняла ее и поцеловала в мокрый нос. Маргуша откинула голову назад и и задрала глаза к потолку.

–

Она не могла это держать в себе. Собака Маргушка и кошка Василиса были благодарными слушателями. Но ей хотелось ответного сочувствия, жалостливым слов и чтобы кто-то тоже всплакнул вместе с ней, кляня жестокосердных людей, которые лишены понимания и сочувствия и не могут постигнуть ее тонкой души и глубоких чувств. Кому она могла излить свою боль, кто для нее был самым близким человеком? Муж? Ла, до сегодняшнего дня она считала именно так, поэтому все свои терзания изливала ему.

Но он только что нанес ей рану. И нужно успокоиться и переосмыслить всё, изменить себя. Лёня дал ей ясно понять это. И конечно, она изменится, будет другой, такой, какой он хочет видеть ее.

Сын? Иногда они созванилась. Но он долго не выдерживал ее словоизвержения и прерывал: «Извини, мам! Мне некогда. Работа. Надо бежать!» Она понимает, что он ее так до конца и не простил. Но стал относиться всё же иначе. Мягче. И ни разу не осудил ее. Наверно, понимал ее. Но он вырос, провел детство и юность, считай без матери, если не считать ее редкие наезды и деньги, которые она высылала родителям.

Она даже ни разу не взяла его в город, чтобы сводить в зоопарк на аттракционы. Сейчас особой нужды и теплоты к ней он не испытывал. Так что сын отпадал. Он просто ее не будет слушать. И ее переживания ему до фонаря. Почувствует только раздражение.

Самой близкой душой была Наташа. Она не кровная родственница. Невестка, то есть жена брата. Наташа была единственным человеком, который не осудил ее из-за бегства от мужа. Она ей посочувствовал и сказала, что она правильно сделала. Не ждать же ей, когда пьяный Генка убьет ее.

– Алло!

Что-то молчат.

– Наташа! Это я. Ты слышишь меня?

Какой-то голос чужой, недовольный, как будто подняли среди ночи и оторвали от сладких снов. Хотя может быть всё, что угодно, поругалась с мужем, неприятности на работе.

– Наташечка! У меня горе, беда, несчастье. Ой, Нататулечка! Хотя ты меня поймешь, выслушаешь, посочувствуешь. Сижи вот и плачу. И не с кем поделиться своей бедой.

– Нин! Что там у тебя? Маргуша твой костю подавился?

– Ой, Нататулечка! С Маргушей всё хорошо. Сидит сейчас возле меня, глаз не сводит. Зачем ты так шутишь? Не шути так, пожалуйста, роднулечка ты моя!

– Мне некогда. Я всё поняла. Извини! У меня работа.

– Наташулечка! Нататусик! Какая у тебя вечером может быть работа? Ты что теперь в две смены пашешь? Ты послушай! Ладно на работе такая неприятность, так приезжаю домой, а тут такое! Совсем меня добило. Ведь я всегда была уверена, что семейный тыл у меня, как скала.

Она приступила к рассказу. Но Наташа ее грубо прервала:

– Нин! Извини, но я сейчас отключусь. У меня уже такая мысль, что внести тебя в ЧС.

– Что такое? Что за бяка? С чем его едят?

– Черный список. Слыхала про такой? Тогда ты мне уже не сможешь дозвониться. Я не буду принимать твои звонки.

Нина чуть не задохнулась. Проглотила слюну.

– Нататюсик? Ты что? Как это можно? Мне же тогда вообще будет позвонить некому.

– Достала ты? Каждый день звонишь и начинаешь болтать по часу. Зачем не надо знать про долбодятлов на дороге, как ты сводила Маргушу пописать и покакать, как «Авангард» сыграл с «Ак-Барком», как Василиса таскает сухарики из чашки Маргуши, а Маргуша из чашки Василисы? Понимаешь, мне это не нужно. Я приехала с работы, усталая, приготовила ужин, мы ужинаем с мужем или смотрим теле-

визор, или я жду звонка от сына из Москвы. А тут ты и начинаешь целый час выливать на меня словесный понос. Ты вот подумай, зачем мне все это нужно? И еще я не могу понять, почему ты Лёню называешь «моя мужа».

– Но, Натанчик, мне не к кому больше позвонить. А у меня беда. К кому же мне тогда обратиться, если не к тебе?

– К врачу обратись! Голову лечи! Всё! Я отключаюсь. Если еще будешь звонить, я внесу тебя в ЧС.

Что же это такое? Что за кошмарный день? Почему всё сразу на нее вывалилось? Ведь всё шло хорошо и на работе, и дома. И ей казалось, что так и должно быть, что иначе не будет.

Начальство ее ценит. Она хороший специалист. Коллеги ее любят, потому что она веселая и добрая. И с ней всем легко. К тому же она никогда не лезет в карман за словом. Может поддержать разговор на любую тему. Старая карга Вера Ивановна – замначальника отдела скоро должна была уйти на пенсию. И конечно, она займет ее кресло. С мужем... А что с мужем? И с мужем всё хорошо. Они любят друг друга. Правда, подолгу не видятся. Зато он привозит хорошие деньги. И они могут позволить себе покупать дорогие вещи. Они вместе смотрят сериалы, вместе работают на даче. И ничего не предвещало того, что случилось сегодня. Это было для нее как обухом по голове. Она нисколько не сомневалась в его любви. Хотя он уезжал на вахту на два месяца. И вполне мог там завести женщину. Мог кто угодно, но толь-

ко не ее Лёня. И конечно, дамы с пониженной социальной ответственностью, кроме антипатии, ничего в нем не могли вызвать. Лёня не такой, он очень верный и преданный только ей. Нет, никогда даже подобной крамольной мысли она не допускала. И вот всё рухнуло в один день. Как будто они сговорились, как будто какой-то заговор против нее.

=

В этот раз психологиня встретила ее как старую знакомую, улыбнулась и кивнула головой. И вообще она не выглядела такой суровой и строгой, как в их первую встречу.

– Я вас понимаю, Нина Петровна. Если бы здесь вместо меня был крупный грузный мужчина, к нему у вас было бы больше доверия. Так уж устроена наша психика. Чем больше комплекция, тем больше доверия. А тут перед вами хрупкая женщина, похожая на подростка. Но вы же сами понимаете, что это ошибочное мнение. Это фантомы нашей психики, типичные заблуждения. Когда мы осознаем, что это заблуждение, мы освобождаемся от него.

Нина кивнула.

– Нина Петровна, вы вполне здоровый человек. Нет у вас никаких психических отклонений. Но есть... как бы это сказать?... некоторые навязчивые привычки, которые раздражают окружающих людей. Ваша проблема вполне решаемая. Чтобы решить ее, надо сделать три шага. И уверяю вас, что всё тогда буде т хорошо. И вы это очень скоро ощутите.

– Три? – переспросила Нина.

Она перед походом к психологу решила сдерживать себя и быть немногословной, а лучше вообще молчать. Пока ей это удавалось.

– Да, Нина Петровна.

– Ну, три шага – это всё-таки не три километра.

Хохотнула. Но тут же осудила себя. Нужно сдерживаться. И не смеяться каждый раз над своими словами, какими бы шутливыми они ей не казались. Она была уверена, что в ней очень развито чувство юмора.

– Нина Петровна, первый шаг – это осознание проблемы. Нужно понять, что это проблема, которая вам мешает жить, осознать, откуда пришла эта проблема. Многие проблемы приходят к нам с детства. Что-то было такое в вашем далеком детстве, что создало эту проблему. Вспомните, не было ли в вашем детстве чего-то такого, что вам доставило сильную боль. Совсем не обязательно физическую, но психическую.

НЕ ЗНАЕТ УГОМОНУ
БОЛТАТЬ ПО ТЕЛЕФОНУ.

Нина вспоминала, когда ее шлепнули, отругали, поставили в угол. Но всё это было не то. У каждого человека в детстве такого добра полным-полно.

– Кажется, я вспомнила. Мне было лет пять. А может быть, шесть. И я впервые столкнулась со смертью. Умерла бабушка. Я ее очень любила. Она же баловала меня. Она лежала в гробу строгая и безмолвная. А мне всё казалось, что сейчас она встанет и заговорит. Просто она уснула. Потом ее отнесли на кладбище, опустили в могилу и закопали. И мне стало страшно. Как же бабушка выберется, когда она проснется? Ведь на ней столько земли. Зачем же сделали это? Не хотели, чтобы бабушка была снова с нами? И наверное, у меня тогда и замкнуло в сознании, что жизнь – это когда постоянно говоришь. А молчание – это смерть. Да! Да! Конечно! Сейчас я уверена, что именно так и подумала тогда.

– Хорошо, Нина Петровна! А теперь давайте сделаем следующий шаг. Поставим себя на место людей, которые вынуждены выслушивать вас. Вот вы пришли на работу, сели на рабочее место. Вам нужно сделать очень срочный отчет. Отчет очень серьезный. И начальство его ждет в течение дня. Ошибки допустить нельзя. И еще у вас ребенок прихворнул, кашляет. И у мужа машина сломалась и нужна большая сумма на ремонт. А без машины ему никак. Ему далеко ездить на работу, а на общественном транспорте это потребует большего времени. И вот заходит второе ваше я и начинает

непрерывно болтать, смеясь собственным шуткам, которые ей кажутся очень смешными и ввертывая то и дело исковерканные слова, на которые ваше второе я просто мастерица и ничего не скажет в простоте душевной. Что вы чувствуете?

– Желание крикнуть: «Да заткнись ты, дура, в конце концов!»

– А вот сейчас вы мужчина. Перевоплотитесь в своего мужа. Вы смотрите увлекательный детектив, стараетесь ничего не упустить и разгадать загадку, кто же убийца, может быть, даже вперед детективов, которые ведут расследование и, как вам кажется, слишком затянули его. И вот заходите вы, второе ваше я, и начинаете стрекотать, забирая всё ваше внимание. И вашему второму я совершенно безразлично, чем занято внимание вашей второй половины. Муж, то есть вы, не слышите, о чем говорят герои, вы теряете нить интриги и желаете только одного, чтобы это второе я замолчало, вздыхаете, скрпните зубами, бросаете сердитые взгляды. Вот вы раньше ходили на стадион, смотрели хоккейные матчи вместе с друзьями, кричали, радовались, когда забивали шайбу в ворота противника, и огорчались, когда ваша команда проигрывала. А потом шли в ближайшую пивнушку и отмечали с друзьями победу или поражение. А теперь вы лишены этого в отличие от ваших друзей. Второе ваше я решила, что она непременно должна ходить на все матчи, орать, визжать, комментировать и, не умолкая, тарыхтеть. Лишены вы и последнего вашего удовольствия – рыбалки. Теперь вы

не можете в одиночестве в полной тишине посидеть у речки, ни о чем не думая, глядя часами на воду, на расплывающиеся по ней круги и время от времени подсекать и выбрасывать на берег рыбку. Теперь с вами рядом постоянно не умолкающий речевой аппарат, который к тому же визжит, орет, ругается, то и дело бросается вам на шею, называя вас по-дурацки Лёнусиком, Лёнушечком, и целует вас, будучи уверенным, что это доставляет вам удовольствие. Прежней рыбалки, этой радости вы лишены. Что вы должны чувствовать? Правильно! Всё нарастающее раздражение и желание резко, грубо покончить с этим. И только потому, что вы деликатный человек, вы сдерживаетесь. Но каких это стоит вам усилий! Теперь поговорим о вашей родственнице.

– Не надо! Я поняла. А какой третий шаг?

Впервые Нина выслушала столь долгую тираду, ни разу не перебив, не вставив собственных пять копеек.

– Очень простой. Научитесь останавливаться, когда вас начинает нести.

– Но как? – воскликнула Нина. – Когда меня начинает нести, как вы говорите, я просто не могу остановиться.

– Как только почувствуете, что вас начинает нести, больно ущипните себя, так, чтобы оставался синяк. Не жалейте себя! Боль должна быть сильной. Иначе ничего не получится. Страх перед болью будет останавливать вас. Еще в свободное время читайте классику. Вместо просмотра очередного сериала, лучше возьмите книгу. Пользы гораздо больше. Об-

ращайте внимание на то, как говорят герои произведения. Постарайтесь по памяти воспроизвести то, что они говорят. Выписывайте понравившиеся вам слова.

Психологические сеансы помогли Нине. На работе у нее все нормально. Через день она звонит мужу, но говорят они не больше пяти минут. Когда он на работе, она не звонит. Недавно позвонила Наташе, но говорили они не долго. Руки у нее в синяках, поэтому она носит платья и кофточки с длинными рукавами. Начала читать «Идиота» Достоевского.

29 февраля – 10 марта 2024